

СПОР О МЕТОДАХ И ИНСТИТУЦИОНАЛЬНАЯ ЭКОНОМИКА

В.М. ЕФИМОВ,

*доктор экономических наук,
консультант проекта Всемирного банка*

В российской экономической литературе «экономическая наука» и «экономическая теория» сейчас рассматриваются чаще всего как синонимы. В соответствии с этим быть ученым-экономистом означает знать экономическую теорию (микро-, макроэкономику), в лучшем случае, несколько теорий, и способствовать их развитию и/или применению для объяснения экономической реальности и разработки экономической политики, а деятельность студента-экономиста сводится к изучению этой теории (этих теорий). Ситуация совершенно немыслимая для таких естественных наук как физика и химия, для которых лабораторно-экспериментальная составляющая играет важнейшую роль, как в исследованиях, так и в обучении. В среде экономистов чаще всего считается, что необходимые для исследований количественные данные, а именно они по распространенному мнению должны играть решающую роль в экономических исследованиях, поставляются статистическими службами, а что касается качественных данных, то они и так всем известны, в частности через прессу. Парадоксальность этой ситуации состоит в том, что, с одной стороны, современная экономическая наука рассматривает естествознание в качестве своей модели, а с другой стороны игнорирует при этом его эмпирическую составляющую. По существу современные экономисты полностью разделяют мнение К. Маркса, что «при анализе экономических форм нельзя пользоваться ни микроскопом, ни химическими реактивами. То и другое должна заменить сила абстракции». Собирать данные, или используя социолого-антропологическую терминологию, заниматься «полевыми исследованиями» в экономической науке не принято и не престижно. Вопрос о реалистичности теоретических построений чаще всего рассматривается только с точки зрения их исходных постулатов, а не их полезности для понимания действительности. Что касается вопроса о социальной пользе теорий, то он вообще не ставится.

Выше сказанное верно и для большинства экономистов называющих себя институционалистами¹. Не случайно, что английское название Institutional Economics переводится как «институциональная экономическая теория». Однако исходная институциональная экономика (немецкая историческая школа и американский институционализм) не была таковой, а представляла собой комплексную деятельность, прежде всего связанную с работой с данными, нацеленную на осмысление действительности и на ее реформирование². Теория рассматривалась не как единственная, но как высшая форма такого осмысления. Спор о методах (Methodenstreit) между Г. Шмоллером и К. Менгером был по существу спором не столько о методах, сколько о характере экономической науки и ее роли в обществе. Если для Шмоллера, а затем и для Дж. Коммонса, экономическая наука была инструментом социально-политико-экономических преобразований с активным участием государства, то для Менгера, а в след за ним и всей неоклассики, она была идеологическим обоснованием ненужности оных. В данной статье мы продолжим спор о методах считая, что сейчас он не менее актуален, а вернее всего более актуален, чем сто лет назад. Многие современные институционалисты во многом принимают сторону Менгера, автор же этой статьи разделяет позиции Шмоллера и в ней он попытается ответить на вопрос «Какая институциональная экономика нужна современной России?».

¹ «В нашей области налицо недостаток эмпирической работы <... > Когда Ли Элстон, Трайн Эггерстон и я работали над книгой, в которой хотели собрать эмпирические исследования в рамках новой институциональной экономики, у нас были большие трудности в том, чтобы найти достаточное число таких исследований.

² Реформаторский характер исходного институционализма хорошо показан в следующих книгах: [44, 62, 43].

1. Спор о методах

Разногласия между Шмоллером и Менгером касались следующих вопросов: Что должно изучать экономическая наука? Каков тип результатов экономической науки? Каким образом эти результаты должны быть получены? В чём разница и какова связь между экономическими теоретическими (фундаментальными) исследованиями и исследованиями прикладными? Какова связь экономической науки с другими общественными и гуманитарными науками?

По Менгеру изучать нужно обмен между индивидуальными хозяйствами, которые вместе составляют народное хозяйство. По Шмоллеру экономические органы/организации и институты составляют скелет экономического тела и изучать нужно именно их. Кроме того он считал, что необходимо изучать мнения и намерения людей и прежде всего властителей, так как социальная реальность есть не что иное, как проявление коллективной воли. Для главы австрийской экономической школы результатом исследований должны быть универсальные законы касающиеся экономического обмена, действующие с небольшими поправками в любую эпоху и для любых народов. Лидер немецкой исторической школы в экономике считал, что максимум на что экономист-исследователь может рассчитывать – это понимание того, что происходит в данном месте (страна) и в данное время (эпоха). Так как реальность по нему исторична, то понимание прошлого может помочь в понимании настоящего. Вывод универсальных законов по Менгеру должен происходить дедуктивным способом на основе абстрактных построений и упрощенных предположений. Менгер следует той точке зрения, что цель теоретических наук – господство над реальным миром. Понимание экономической реальности по Шмоллеру, которое не ставит своей целью господство, может быть достигнуто путем досконального исторического описания функционирования экономических организаций и институтов, совокупности правил, которым люди следуют, а также религиозных (идеологических) систем в которые они верят. Эти описания должны служить базой для детального анализа с целью построения концепций и обобщений, могущих вести к возникновению теории. Менгер считал абсолютно недопустимым смешение теоретических и прикладных исследований. Для него это было эквивалентно смешению, например, теоретической химии с химической технологией. Исследования Шмоллера были направлены на сугубо практические цели проведения социальных реформ в Германии, в которых он сам лично активно участвовал. Наконец менгеровская экономическая наука является абсолютно самодостаточной, все положения, например, о поведении людей она вырабатывает (постулирует) сама, не прибегая к помощи других наук, таких как психология и антропология. Шмоллер критиковал Менгера за то, что тот, по-видимому, не знал крупных новых для того времени успехов эмпирической и философской психологии, языкознания, философии права и этики, которые уже так сильно способствовали открытию тайн индивидуальной умственной жизни и психических массовых явлений, что игнорировать их экономистам совершенно нельзя. Шмоллер особенно выделял психологию и антропологию, как основу для всех других гуманитарных наук. Он считал, что только на основании психологии и антропологии, через науки о культуре и организации общества, можно решить проблему познания исторической связи последовательных общественных состояний.

Вышеприведенная характеристика спора о методах почерпнута из методологической работы Менгера «Исследование о методах социальных наук и политической экономии в особенности» [16, с. 287–495] и статьи Шмоллера «Zur Methodologie der Staats- und Sozialwissenschaften» [70, s. 159–184]³. Данная статья Шмоллера является критическим разбором этой книги Менгера, а также книги В. Дильтея «Введение в науки о духе» [5]⁴. Если оценка книги Менгера в этой статье резко отрицательна, то разбор книги Дильтея сугубо положительный с элементами восхищения, из чего можно сделать вывод о полном согласии Шмоллера с его мыслями. Приведем несколько цитат из этой фундаментальной работы В. Дильтея:

³ В наиболее полном виде методологические взгляды Шмоллера изложены в его книге «Народное хозяйство, наука о народном хозяйстве и её методы» [63].

⁴ Современное видение творчества Дильтея дается в книге [61].

«Историческая школа до сего дня так и не сумела преодолеть те внутренние ограничения, которые сдерживали и ее теоретическое формирование, и ее воздействие на жизнь. Ее разысканиям, ее оценкам исторических явлений недоставало связи с анализом фактов сознания и тем самым опоры на единственное достоверное знание в последней инстанции, словом, недоставало философского обоснования. Недоставало здравого отношения к теории познания и психологии. Потому она и не пришла к объяснительному методу, а ведь историческое наблюдение и сравнительный подход сами по себе еще не в состоянии ни выстроить самостоятельную систему наук о духе, ни приобрести влияние на жизнь. И вот, когда Конт, Стюарт Милль и Бокль попытались заново разрешить загадку мира истории путем перенесения на него естественнонаучных принципов и методов, историческая школа не пошла дальше бессильных протестов от имени воззрения более жизненного и глубокого, но оказавшегося не способным ни к саморазвитию, ни к самообоснованию, в адрес воззрения более скудного и приземленного, зато мастерски владеющего анализом.» [5, с. 271–272];

«Всякая наука начинается с опыта, а всякий опыт изначально связан с состоянием нашего сознания, внутри которого он обретает место, и обусловлен целостностью нашей природы. Мы именуем эту точку зрения – согласно которой невозможно выйти за рамки этой обусловленности, как если бы глядеть без глаз или направить взор познания за самый глаз, – теоретико-познавательной; современная наука и не может допустить никакой другой. Именно здесь, как мне стало ясно, находит свое необходимое для исторической школы обоснование самостоятельность наук о духе.» [5, с. 272–273];

«Совокупность наук, имеющих своим предметом исторически-общественную действительность, получает в настоящей работе общее название «наук о духе». Под наукой языковое словоупотребление понимает совокупность положений, где элементами являются понятия, то есть вполне определенные, в любом смысловом контексте постоянные и общезначимые выражения; где сочетания понятий обоснованы; где, наконец, в целях сообщения знаний каждая часть приводится в связь с целым, поскольку либо составной фрагмент действительности благодаря этой связи положений начинает мыслиться в своей полноте, либо определенная отрасль человеческой деятельности достигает упорядоченности. Факты духовного порядка, которые исторически сложились в человечестве и на которые, согласно общепринятому словоупотреблению, распространяется название наук о человеке, истории и обществе, и составляют действительность, подлежащую не овладению, но прежде всего нашему осмыслению.» [5, с. 280–281].

Попробуем проинтерпретировать три вышеприведенные абзаца. Дильтей критикует немецкую историческую школу за то, что по его мнению ей не доставало связи с анализом *фактов сознания*. Причём эти факты он характеризует как единственное достоверное знание в последней инстанции. Это недостаточное внимание исторической школы к фактам сознания он связывает с тем, что у нее недоставало здравого отношения к теории познания и психологии. С момента публикации этой книги В. Дильтея прошло 124 года. За это время теория познания, в том числе и под влиянием работ самого Дильтея, сделала большой прогресс, что нашло отражение, в частности, в трудах таких отечественных философов, как академик В.С. Степин [28] и профессор Л.А. Микешина [18, 17]. Что касается психологии, изучающей процессы познания, то она на базе многочисленных эмпирических исследований так сильно развилась, что выделилась в отдельную очень авторитетную сейчас дисциплину – когнитивная психология [4]. Основываясь на ее достижениях Д. Норт в явном виде сформулировал принципы исторического исследования институциональных изменений [40, 66]⁵. Фактически Норт встал на позиции дильтеевской теоретико-познавательной точки зрения сам того не осознавая или по крайней не делая никаких ссылок по этому поводу. Также как Дильтей он по существу призывает изучать «факты духовного порядка, которые исторически сложились в человечестве и которые ... и составляют действительность, подлежащую не овладению, но прежде всего нашему осмыслению».

⁵ Тем самым он по существу перечеркнул свое исследовательское прошлое удостоенное в 1993 году Нобелевской премией по экономике и идейно порвал с новой институциональной экономической теорией (New Institutional Economics), одним из лидеров которой он является.

Как уже указывалось выше, Густав Шмоллер считал недопустимым для экономистов игнорирование психологии и подчеркивал значимость для их науки антропологии и наук о культуре. В двух последующих разделах статьи мы охарактеризуем достижения в этих областях знаний, которые имеют непосредственное отношение к институциональной экономике.

2. Когнитивная наука

Когнитивная наука, которая сделала особенно за последние десятилетия значительный прогресс, экспериментально установила, что в основе нашего мышления лежит не логика (дедукция, индукция), как думали, философы Декарт и Бэкон, а вслед за ними экономисты Джон Стюарт Милль [61] и Уильям Стенли Джевонс [51], а другие процессы. Так, Джералд Эдельман американский биохимик, лауреат Нобелевской премии по физиологии и медицине, автор многих книг посвященных исследованию работы мозга, считает, что «мозг функционирует прежде всего не столько на основе логики, сколько на базе распознавания образов (pattern recognition)» [42, p. 58]. Экспериментальные исследования проводимые с представителями разных культур показывают, что люди в реальной жизни не очень то используют дедуктивные рассуждения. Вместо этого их суждения основываются на категоризации и принадлежности к какой-либо категории ментально определяется по ее степени схожести абстрактному представлению этой категории [74, p. 115, 374]. «Категории, которые мы строим и используем для структурирования мира могут быть истолкованы, как нечто глубоко пропитанное нашим собственным опытом, иногда они могут очень сильно связаны со свойствами реального мира, в других случаях эта связь может быть в сильной степени метафорической» [85, p. 77].

Впервые Дуглас Норт обращается к когнитивной науке в статье, написанной совместно с Артуром Дензау. Вот как характеризуется процесс мышления в этой статье : «Категории-классификации постепенно развиваются с раннего детства для того, чтобы организовать наши восприятия и сохранять связь с нашей памятью аналитических результатов и опыта. Основываясь на этих категориях, мы формируем ментальные модели для объяснения и интерпретации окружающей среды, обычно так, что это соответствует некоторым целям. И категории и модели будут развиваться отражая обратную связь на основании нового опыта. Эта обратная связь иногда усиливает наши начальные категории и ментальные модели, а иногда ведет к их модификациям. Словом, происходит процесс обучения. Так ментальные модели могут быть постоянно переопределены на базе нового опыта, включая и контакты с идеями других» [40, p. 224]. Модификации категорий могут быть двух типов : изменения каких-то деталей существующих категорий и замена одних категорий на другие. Радикальное изменение категорий представляет собой изменение точки зрения. Индивидуальные категории и ментальные модели используемые членами какого-либо сообщества « примериваются » к другим членам этого сообщества, и если необходимо, корректируются в процессе взаимодействия членов этого сообщества. Это приводит к тому, что эти категории и ментальные модели разделяются всеми членами сообщества, следствием чего является относительно однородное восприятие членами сообщества одних и тех же явлений. Автор первой на русском языке книги по когнитивной науке, директор Института труда, организационной и социальной психологии Дрезденского университета, Б.М. Величковский констатирует, что: «Сегодня концептуальные структуры все чаще описываются как особый уровень когнитивной организации, который фиксирует индивидуальный вариант « модели мира », ориентирующей деятельность в *типичных условиях*. Собственно функции памяти, а равно процессы категоризации при таком рассмотрении отодвигаются на задний план, уступая место содержательному анализу культурно-исторических корней наших знаний и их нейрофизиологических механизмов» [4, с. 12].

Занимаясь изучением процессов познания, ученые-когнитивисты, т.е. те кто занимается когнитивной наукой, неизбежно вторгаются на территорию, ранее занятую исключительно философами. Так, уже упоминавшийся выше Джералд Эдельман называет то, чем он занимается *brain-based epistemology*, т.е. эпистемологией, основанной на изучении

работы мозга [42, р. 2]. Как и многие другие специалисты в области когнитивной науки, Эдельман рассматривает деятельность мозга в его взаимодействии с человеческим телом и окружающей человека средой. Эмпирические исследования ученых-когнитивистов неизбежно приводят к отбрасыванию картезианского дуализма, да и всего картезианизма в целом. Так, Антонио Дамасио, заведующий кафедрой неврологии одного из американских университетов, дал одной из своих книг такое вызывающее название: «Ошибка Декарта. Эмоции, разум и человеческий мозг». Автор высказывает следующее суждение относительно знаменитого картезианского *Cogito ergo sum* (Мыслю, значит существую) : «Рассматривая его буквальный смысл, данное утверждение иллюстрирует как раз обратное тому, что я считаю верным относительно истоков разума и относительно связи между разумом и человеческим телом» [39, р. 248]. Он считает, что понимание человеческого разума требует рассмотрения всего его организма в целом, организма, обладающего и телом и мозгом, организма, взаимодействующего со своей физической и социальной средой [39, р. 252]. Никакое знание, в том числе и научное, не может рассматриваться отдельно от человека, его производящего и потребляющего. Все познавательные процессы так или иначе связаны не только с его мозгом, но и с человеческим телом в целом : «Тело, представленное в мозге, может представлять собой необходимую систему координат для нейронных процессов и тем самым это наш организм, а не некоторая абсолютная внешняя реальность, используется как исходная ссылка (ground reference) для ментальных конструкций, которые мы делаем относительно окружающего нас мира, а также для построения всегда присутствующего чувства субъективности, которое является неотъемлемой частью нашего опыта ; и тем самым наши самые утонченные мысли и лучшие действия, наши самые большие радости и самые глубокие печали используют наше тело как измерительную линейку.» [39, р. xx].

Другой американский ученый-когнитивист, крупнейший специалист в области когнитивной лингвистики, Джордж Лакофф⁶, использует для отражения той же идеи, которая только что была приведена в цитате из книги Дамасио, концепцию «телесно воплощенного разума» (embodied mind). Он развивает эту концепцию в книге с не менее, чем у Дамасио, провокационным названием «Философия во плоти. Телесно воплощенный разум и его вызов западной мысли» [56]. Эта концепция состоит в том, что тело играет важную роль в понимании человеком смысла происходящего, что этот его смысл не является чисто объективным, определенным только внешним миром, и что человеческий язык не может соответствовать внешнему миру без существенной роли играющей при этом разумом, мозгом и телом. А так как наши концептуальные системы вырастают отталкиваясь от, используя в качестве ссылки, наше тело, то и понимание человеком смысла происходящего отталкивается и использует в качестве ссылки также наше тело. «Так как значительное число концепций являются метафорическими⁷, смысл происходящего, понимаемый человеком, не является буквальным и тем самым классическая теория истины, как соответствия реальности, ложна. Истина опосредуется телесно воплощенным пониманием и воображением. Это не означает, что истина является чисто субъективной или, что нет стабильных истин. Наоборот, наше общее телесное воплощение делает возможными общие и стабильные истины» [56, р. 6]. По мнению Лакоффа, экономически рациональный человек, максимизирующий свою полезность, не существует. Реальные люди осуществляют свои умозаключения большей частью бессознательно, а значительная часть их интеллекта основывается на всевозможных прототипах, фреймах и метафорах [56, р. 5].

Американский психолог Джером Брунер, стоящий у истоков когнитивной науки, настаивает в своих поздних работах на том, что культура должна быть центральной концепцией психологии. В своей книге «Акты осмысливания» [34], которая во французском переводе вышла под названием «... так как культура дает форму разуму» [33], Брунер, следуя Клиффорду Гирцу [46], считает, что не может быть человеческой природы независимой от культуры. По его мнению невозможно построить человеческую психологию ис-

⁶ Его труды, в которых показывается фундаментальная роль метафор в человеческом мышлении переведены на русский язык [12, 11].

⁷ Метафорическая природа многих экономических терминов рассматривается

ключительно на базе индивидуума, так как человек участвует в культуре и реализует свои ментальные способности через культуру [34, р. 12]. «Наш культурно адаптированный образ жизни зависит от разделяемых с другими смыслов и концепций, а также зависит от разделяемых с другими способов достижения договоренностей относительно разницы в смыслах и интерпретации. <...> Мы живем общественно (publicly) общественными смыслами (public meanings) и разделяемыми с другими процедурами интерпретации и процедурами достижения договоренностей относительно смыслов» [34, р. 13]. Брунер выступает против игнорирования исследователями того, что люди говорят относительно того, что они делают, и вообще того, что люди говорят, так как то, что они говорят вызывает то, что они на самом деле делают (caused them to do what they did). «Это касается также того, что люди говорят относительно того, что делают другие и почему они так делают» [34, р. 16]. Отсюда следует какую же реальность нужно изучать : «В большинстве человеческих взаимодействий «реальности» являются результатами продолжительных и замысловатых процессов построения (смыслов) и достижения договоренностей (относительно смыслов), процессов глубоко врезанных в нашу культуру [34, р. 24]. Автор подчеркивает также роль нарративов (рассказов) в познании [34, р. 24]. Даже осознание нашего собственного « я » происходит в виде рассказа-автобиографии, который используется для нашей собственной самоидентификации [34, р. 99–138]. Другой известный американский когнитивист, Марк Тернер, посвятил роли нарратива в познании целую книгу [78]. В ней он показывает, что рассказ (story, narrative) является основным элементом разума. Большая часть нашего опыта, наших знаний и нашего мышления организованы как рассказы [78]. В другой своей книге он призывает обществоведов и когнитивистов объединить свои усилия для развития интерпретативной парадигмы социальных наук [77].

Так как же все таки мы думаем ? Какой ответ на этот вопрос дает когнитивная наука ? Прежде всего отметим, что также как прежде философы, достаточно большое число когнитивистов пытаются ответить не на вопрос как мы думаем (think), а на вопрос как мы рассуждаем, делаем умозаключения (reason), что в действительности составляет только небольшую часть мышления. При этом наиболее важная, а именно, творческая, часть его остается не рассмотренной. Мышление и сейчас еще нередко фактически отождествляется с рассуждением, а относительно него считается, что оно « довольно полно описывается моделью формальной дедуктивной логики : рассуждение представляет собой механическое манипулирование абстрактными символами, которые сами по себе лишены значения, но могут приобрести его благодаря своей способности к соотношению с вещами реального мира или возможных миров [55, р. 7]». Американский когнитивный психолог Ф. Джонсон-Лейерд, который один из первых использовал понятие ментальных моделей [53], исследовал, в том числе и экспериментально, как человек осуществляет дедуктивные и индуктивные выводы. Он пришел к выводу, что, в отличие от того, что думали, следуя древним грекам, философы эпохи Просвещения, не существует так называемых « законов мышления », которые выражаются в явном виде в формальной логике и вероятностном исчислении и которым люди следуют осуществляя умозаключения [52, р. 415, 417]. Исходя из его теории, эти умозаключения происходят на основе ментальных моделей портретного (iconic) типа, которые являются репрезентациями структур соответствующих структурам мира [52, р. 418].

Среди ученых-когнитивистов, которые все таки пытались ответить на вопрос как же все таки мы думаем (think), можно отметить уже упоминавшихся Джорджа Лакоффа и Марка Тернера, а также французского исследователя Жилия Фоконье, работающего в настоящее время заведующим кафедрой когнитивной науки в Калифорнийском университете в Сан Диего. Как уже было упомянуто выше, Д. Норт вместе с А. Дензау еще в 1994 году правильно указали на категоризацию-классификацию, как основу мышления. Но как эта категоризация осуществляется ? Этот вопрос обсуждается Лакоффом [55] на основе результатов исследований Элеоноры Рош (Eleonor Rosch). До совсем недавнего времени считалось, что вещи входят в одну категорию, когда им присущи определенные общие свойства, которые и определяют категорию в целом. Эта классическая теория категорий возникла не как результат эмпирического исследования и не как эмпирическая гипотеза, а

как абсолютно бесспорная истина. Здесь категории существуют в мире независимо от людей и такое видение категоризации соответствует подходу к мышлению как к манипулированию абстрактными символами. На основании широких эмпирических исследований Рош демонстрирует, что элементы попадают в одну категорию не обязательно по общим свойствам, но потому, что в чем-то схожи с неким наилучшим их представителем, который был назван «прототипом», отсюда и название этой теории категоризации «теория прототипа». В соответствии с этой теорией категоризация не может быть независимой от человека. «Изменение самого понятия категории влечет изменение нашего понимания мира. Категории – это категории относительно вещей. Если мы понимаем мир не только в терминах индивидуальных вещей, но также в терминах категорий вещей, то мы приписываем этим категориям реальное существование» [55, 50]. Жиль Фоконье, на основании разработанной им теории ментальных пространств (mental spaces), совместно с Марком Тернером, предложил теорию концептуальной интеграции (conceptual integration) или по другому концептуальной комбинации (conceptual blending) [44], которая нацелена именно на творческие когнитивные процессы. Ментальные пространства – это небольшие концептуальные связи, построенные, когда мы думаем или говорим, для целей локального понимания и действия. Ментальные пространства связаны с долговременным схематическим знанием, называемым «фреймами», которые являются ментальными репрезентациями определенного смысла. В соответствии с теорией концептуальной интеграции элементы из различных ментальных пространств комбинируются, причем чаще всего подсознательно, и результаты этого комбинирования составляют основу творческого мышления.

Достижения когнитивной науки позволяют экономистам с одной стороны апеллировать к реалистичным моделям человеческого поведения вообще, а с другой стороны, апеллировать к реалистичным моделям познания, в том числе и научного. Первое напрямую связано с предметом, а второе с методом институциональной экономики.

3. Науки о культуре

И американский институционализм и, особенно, немецкая историческая школа рассматривали экономическую науку как одну из наук о культуре. Недаром составитель недавно изданного сборника методологических работ Шмоллера назвал его «Историко-этическая национальная экономика как наука о культуре» [70]. Верования (идеи и ценности) и связанные с ними институты, т.е. правила поведения (формальные и неформальные), которые призвана изучать институциональная экономика являются культурными явлениями. Именно потому, что экономические явления представляют собой явления культурного типа, экономическая наука не может выработать универсальные теории вне координат времени и места, т.е. теорий верных для любого исторического и географического контекстов. Шмоллер был не одинок, следуя такому подходу, он был характерен для всего сообщества немецких обществоведов конца XIX-го начала XX-го веков. Прерывание этой традиции легитимировалось с помощью навешивания таких ярлыков, как эмпиризм, описательство, индуктивизм, отсутствие теорий и т.п. Порыв с этой традицией осуществлялся путем ее игнорирования, забвения и/или искажения, отсутствия переводов трудов немецких авторов на другие языки. Другим методом разрыва с этой традицией в экономике было и есть объявление экономистов, носителей этой традиции, не экономистами, а социологами. Так произошло с Максом Вебером⁸, замолчать которого труднее остальных, так как практически все его труды переведены на английский и другие языки⁹. Не будет особым преувеличением сказать, что сегодня творчеству Вебера практически нет места в истории экономической мысли. Однако сам

⁸ Своей славе как социолог Вебер обязан в значительной степени влиятельному американскому социологу Толкоту Парсонсу, который посвятил много места обсуждению введенных им понятий в своей центральной книге «О структуре социального действия» [18].

⁹ Что касается трудов Шмоллера, то на английский язык была переведена только одна его небольшая книга [64]. Его основной методологический труд [63] был в свое время переведен на английский язык, но этот перевод так и не был опубликован. Напротив, были опубликованы русский, французский и итальянский переводы этой работы.

он всегда считал себя прежде всего экономистом¹⁰ и работал как профессор исключительно на экономических кафедрах [32, р. 183, 184]. В основном можно согласиться со следующей характеристикой творчества Макса Вебера: «Вебер хотел скорректировать историзм исторической школы, объективизм марксистской школы и психологизм маржиналистской школы, связывая экономическую теорию с теорией культуры для того чтобы создать «политическую экономию», которая переплавил бы связь, которая в его глазах стала проблематичной, между исторической работой, теоретической работой и работой практической. На базе этого синтеза, обозначенного Вебером еще до 1890 года в своих лекциях как «социально-экономический подход», он разработает ядро понимающей социологии, воспринимаемой им как наука о культуре (Kulturwissenschaft) предназначенную понять значение современного капитализма» [63, р. 225].

Если воспользоваться терминологией Куна [12], то экономическую науку Новой исторической школы можно назвать нормальной наукой в Германии конца XIX – начала XX веков. Макс Вебер был активным членом сообщества экономистов Новой исторической школы, в течении многих лет возглавляемой Г. Шмоллером. Вебер был членом шмоллеровского Союза за социальную политику (Verein für Sozialpolitik). «В обстоятельном исследовании, которое насчитывало около 900 страниц, относительно условий сельскохозяйственных рабочих к востоку от Эльбы, исследовании проводимом в 1890 году под эгидой Союза, Вебер выявляет конфликтующие интересы новой немецкой нации с одной стороны, и тех из юнкеров, с другой стороны, чей экономический упадок был вызван импортом дешевого американского зерна. Власть юнкеров росла, особенно после падения Бисмарка, так как они были основой власти и бюрократии и армии, и, как таковые, являлись основными столпами нового государства» [43, р. 89]. Позже Вебер участвовал и в других «полевых» исследованиях касающихся положения рабочих [43, р. 90, 91]. Как член сообщества экономистов исторической школы, Вебер оттачивал свое понимание методологии экономической науки, полемизируя с представителями старой исторической школы в экономике Карлом Книсом¹¹ и Вильгельмом Рошером [82] и с самим Густавом Шмоллером [3, с. 423–426]. Как член сообщества немецких обществоведов исторической ориентации, Макс Вебер продвигался к своей концепции понимания (Verstehen) социально-культурно-экономических явлений, полемизируя с правоведом Рудольфом Штаммлером [73] и основываясь «во всех существенных вопросах» [3, с. 320] на идеях Вильгельма Виндельбанда [1], Георга Зиммеля [8] и Генриха Риккерта. Социальные философы Риккерт [23, 24] и Дильтей [6, 5], входившие в состав этого сообщества, настаивали на необходимости принимать во внимание специфику человека, как объекта исследования и отвергали слепое следование в гуманитарных и общественных науках естественно-научной традиции.

Теоретические построения Вебера не являются априорными дедуктивными конструкциями, а вытекают из его «полевых» исследований в Германии и его исследований по античной аграрной истории [2], а также исследований связей между религией и хозяйством, например, в Китае [83], которые основывались как на трудах историков, так и на изучении документов. Наиболее известной работой Вебера является его «Протестантская этика и дух капитализма». В ней он проводит анализ дискурса Бенджамина Франклина, как выразителя духа капитализма, и текстов Мартина Лютера, Жана Кальвина и других деятелей Реформы, отражающих источник этого духа. На основе этого анализа (интерпретации) он делает выводы не только об условиях генезиса капитализма, но и дает ключ к пониманию того, почему однотипные формальные правила дают разные эффекты применительно к сообществам, разделяющих разные верования (идеи и ценности).

Просто наблюдая за поведением людей или даже слушая, что они говорят, нам редко удастся вникнуть в суть их деятельности. Это происходит потому, что «основой действия – его отправной точкой – на всех этапах процесса является органический комплекс мысленных привычек, которые были сформированы прошлым процессом» [80, р. 77]. Для выявления и понимания этих привычек необходимо вступить с ними в непосредственный

¹⁰ Только с 1909 году, т.е. за 11 лет до своей смерти Вебер, продолжая быть экономистом, стал называть себя также и социологом [17, с. 15].

¹¹ Карл Книс был учителем Макса Вебера [17, с. 10].

вербальный контакт или (и) изучить тексты, в которых эти привычки зафиксированы. Другими словами фактами здесь являются верования (идеи и ценности) и правила поведения (формальные и неформальные) на них основанные, или по крайней мере с ними связанные, участников экономической деятельности. Воспринять (выявить) эти факты можно, анализируя дискурсы этих акторов. Шмоллер и Коммонс считали анкеты и интервью важнейшими источниками информации для экономической науки [70, р. 287; 33, р. 106]. Интервью записанное для его анализа превращается в текст (транскрипт). Исследователи могут (и должны) использовать и уже готовые тексты для анализа дискурсов акторов. Такими текстами могут быть всевозможные политические (программы партий, выступления их лидеров и т.п.) и юридические (законы, указы, постановления и т.п.) документы.

Важнейшим теоретическим и методологическим вкладом Вебера в обществознание является его понимающая социология. То, что Веблен обозначил, как « органический комплекс мысленных привычек », Вебер определил, как субъективный смысл. По Веберу, действие – это «понятное отношение к «объектам», то есть такое, которое специфически характеризуется тем, что оно «имело» или предполагало (*субъективный*) смысл, независимо от степени его выраженности» [3, с. 378]. Поведение каждого актора соотносится по субъективно предполагаемому им смыслу с *поведением других* людей, оно *определено* этим его осмысленным соотносением и, может быть, исходя из этого (субъективно) предполагаемого смысла, понятно объяснено [3, с. 378]. Л.Г. Ионин называет этот субъективный смысл « прокладкой » между действием как эмпирическим фактом и его эмпирической средой. По Ионину, эта « прокладка », которая обеспечивает субъективную интерпретацию, истолкование и понимание эмпирической реальности действия, и есть главный конституирующий фактор социального [10, с. 73]. «Если это так, то социология, которая видится Веберу, не может стоять в одном ряду, как это думал Конт, с физикой, биологией и другими естественнонаучными дисциплинами. Она не может, как это считал Дюркгейм, *исходить* из предпосылки объективности социальных явлений. Её задача – *объяснить* саму эту объективность, показать, как она возникает и формируется из действий, субъективно ориентированных по своей природе» [10, с. 73].

В начале XX-го века, параллельно с веберовской понимающей социологией, интерпретативный подход в социологии развивался и в США в Чикагском университете, откуда и название «Чикагская школа в социологии»¹². Направление, развиваемое в это время в Чикаго, получило название символического интеракционизма [36], основоположником которого был Джордж Мид. Как и у Вебера центральным понятием его социологии является смысл: «Смысл как таковой, то есть как объект мысли, возникает в опыте через индивидуальное стимулирование самого себя принять позицию другого в его реакции на объект. Смысл – это то, что может быть указано другим < ... > Когда индивид указывает его себе самому в роли другого, он это делает исходя из его позиции и он указывает на него другому, исходя из своей собственной позиции» [58, р. 89]. Чикагская социологическая школа занимала доминирующую позицию в социологии США начала XX-го века аналогично тому, как Немецкая историческая школа, работая в рамках той же парадигмы, господствовала в экономической науке примерно в это же время в Германии. Социологи из Чикаго того времени активно использовали методы сбора и обработки нарративной информации, в том числе и метод историй жизни (life history method). Знаменитая монография «Польский крестьянин в Европе и Америке» [76] была основана на этом методе. Особенностью этого исследования было то, что основной текст книги представлял собой автобиографию польского эмигранта Владека Знанецкого, а текст авторов с анализом (интерпретацией) этой автобиографии был дан в примечаниях, с синтезом этого анализа в заключении книги. Кроме того книга имела обширное теоретическое введение. Один из авторов этого исследования, Уильям Томас, который являлся одним из основателей Чикагской школы, « считал, что социологи должны анализировать социальный мир в двуедином контексте: так, как его видит социолог через посредство объективных научных понятий, и так, как его видят сами действующие индивиды, по-своему, сугубо индивидуально определяющие

¹² Не путать с Чикагской экономической школой, возглавляемой Милтоном Фридманом.

ситуацию деятельности, т.е. действующие согласно « субъективному смыслу», который они привносят в объективную ситуацию» [10, с. 88]. Томас известен также, как автор так называемой теоремы Томаса, которая гласит, что «Если ситуации определяются как реальные, они реальны по своим последствиям.» (“If men define situations as real, they are real in their consequences.”) (См.: [84]). Эта “теорема” означает всего лишь на всего такую очевидную истину, что люди действуют исходя из своего восприятия ситуаций, восприятия, которому они верят.

Другой видный представитель символического интеракционизма Герберт Блумер подчеркивает, что использование смыслов актором происходит через *процесс интерпретации* и что «несимволическое взаимодействие имеет место, когда один из участников взаимодействия отвечает непосредственно на действие другого без интерпретации этого действия, а символическое взаимодействие предполагает интерпретацию действия» [30, р. 5, 8]. Большинство реальных взаимодействий – это, конечно, взаимодействия второго типа, откуда и название этого направления в социологии, « символический интеракционизм». Блумер резко выступает против применения априористского подхода в социальных науках : «Вместо того, чтобы идти в эмпирический социальный мир в первой и в последней инстанции, прибегают к априорным теоретическим схемам, множествам универсальных концепций и канонизированным правилам исследовательской процедуры. Именно они становятся посредниками во взаимоотношениях с эмпирическим социальным миром, заставляя исследование служить их статусу и подчиняя эмпирический мир их предпосылкам» [30, р. 33]. Блумер отмечает, что исследователи, как и все прочие люди, если у них нет близкого непосредственного знакомства с исследуемой областью, подходят к ней исходя из имеющихся у них верований и образов относительно этой области. Важно сделать так, чтобы эти верования и образы не определили полностью процесс исследования. Блумер настаивает на том, что для этого нужно войти в непосредственный контакт с людьми, вовлеченными в эту область деятельности, видеть их в различных ситуациях взаимодействия, замечать их проблемы и наблюдать как они их решают, участвовать в их разговорах, в общем, видеть, как течет их жизнь. Вместо всего этого следуя классическим канонам, исследование начинают с теории или модели, формулируют проблему в терминах модели, определяют гипотезу по отношению к так сформулированной проблеме, намечают способ тестирования гипотезы, используя стандартизированные инструменты для получения точных данных и т.д. Однако, как говорит Блумер, никакая самая правильная исследовательская процедура не может заменить непосредственное из первых рук знакомство с исследуемой областью [30, р. 36, 37]. Сегодня экономисты не склонны придавать какое-либо значение анализу (интерпретации) дискурсов акторов, не используют они и методы непосредственного контакта с участниками экономической деятельности. Однако эти методы живы и совершенствуют свой исследовательский потенциал в рамках других гуманитарных и общественных наук и, в частности, социологии и антропологии. Методология классического естествознания также затронула эти две дисциплины, однако сопротивление ей в них оказалось значительно более мощным, чем в экономике и если и позволительно сейчас говорить о существовании и развитии интерпретативной парадигмы, то это касается прежде всего социологии¹³ и особенно антропологии.

Среди наук о культуре выделяется социальная антропология, которая всегда была близка к этнографии и тем самым к полевым исследованиям, а также тяготела к качественным, а не к количественным методам. Тем не менее достаточно много антро-

¹³ Приходится только сожалеть, что отечественная экономическая социология сделала выбор не в пользу интерпретативной парадигмы [19, 20]. Это, по-видимому, произошло потому, что несомненный авторитет этого научного направления, В.В. Радаев, ориентировал нарождающееся российское сообщество экономических социологов больше на их скорейшее включение в мировое сообщество экономических социологов, чем на решение жгучих социально-экономических проблем пост-советской России. Хотя среди западных экономических социологов и есть ученые, следующие в своих исследованиях интерпретативной парадигме [48], однако большинство из них остаются в основном в классической [19, 20], причем одни, как Марк Грановеттер [42], в большей степени, а другие, как Нил Флигстин [40], в меньшей степени.

пологов работали скорее в рамках классической¹⁴, а не интерпретативной парадигмы. Основателем интерпретативной социальной антропологии является Клиффорд Гирц. Культуру он определяет, отталкиваясь от понимающей социологии: «Считая вместе с Максом Вебером, что человек есть животное, опутанное сотканными им самим сетями смыслов, я полагаю, что этими сетями является культура. И анализировать ее должна не экспериментальная наука, занятая выявлением законов, а интерпретативная, занятая поисками значений» [46, р. 5]. По Гирцу для того, чтобы понять особенность антропологического анализа, как формы знания, нужно понять что значит заниматься этнографией, так как практикующие социальную антропологию ученые занимаются именно этнографией. Он считает, что специфика этнографии состоит в своего рода интеллектуальном усилии, которое необходимо приложить, чтобы создать так называемое «насыщенное описание» (thick description) [46, р. 5, 6]. Такого типа описание позволяет понять изучаемое явление, так как оно содержит не только описание действий, которые это явление порождают, но и смыслы, которые акторы вкладывают в эти свои действия. Гирц считает, что «заниматься этнографией – это все равно, что пытаться читать рукопись на иностранном языке, выцветшую, полную пропусков, несоответствий, подозрительных исправлений и тенденциозных комментариев, и написанную не общепринятым графическим способом передачи звука, а средствами отдельных примеров упорядоченного поведения» [46, р. 10]. Насыщенное описание и есть перевод на понятный нам язык такого типа рукописи.

В настоящее время интерпретативная парадигма завоевывает все больше сторонников среди обществоведов и гуманитариев. Сейчас можно говорить о наметившемся интерпретативном повороте [86] в общественных и гуманитарных науках. Для того, чтобы стать социально полезной, институциональная экономика неизбежно должна пойти по этому пути, и в этом случае ее целесообразно было бы назвать интерпретативной институциональной экономикой.

4. Интерпретативная институциональная экономика

Название последней книги Д. Норта «Понимание процессов экономических изменений» [66] очень показательно. Его «понимание» (*understanding*) чрезвычайно близко веберовскому *Verstehen*. Следующая цитата из предисловия к книге содержит ее основную идею: «Экономические изменения являются в значительной степени преднамеренными процессами, формируемыми осознанием (*recertions*) акторов последствий своих действий. Осознания эти происходят из верований игроков – теорий, которые у них есть относительно последствий их действий – верований, которые обычно смешаны с их предпочтениями. Но как люди приходят к пониманию своего окружения? Объяснения, которые они развивают, представляют собой ментальные построения (*mental constructs*), вытекающие из опыта, опыта как современного, так и исторического. Человеческое обучение (*human learning*) есть нечто большее, чем накопление индивидуального опыта в течении жизни индивида. Это также накопленный опыт предыдущих поколений. Накопленное обучение всего общества, воплощенное в языке, человеческой памяти и системах знакового хранения, включает верования, мифы, способы делания различных вещей, что представляет собой культуру общества. Культура определяет не только функционирование общества в какой то момент времени, но и, накладывая ограничения на игроков, способствует процессу изменений во времени. Наше внимание, таким образом, должно быть сфокусировано на человеческом обучении (*human learning*) – на то, чему люди обучены и тому как это «обученное» разделяется членами общества, а также на постепенный процесс, на основе которого верования и предпочтения меняются, и на то каким образом они формируют функционирование экономик во времени. < ... > Понимание – это необходимое предварительное условие, которое упускается экономистами в поспешности моделировать экономические рост и изменения. Мы еще очень далеки до того, чтобы

¹⁴ Среди них такие основатели социальной антропологии, как Бронислав Малиновский, Марсель Мосс и Клод Леви-Строс.

полностью понять эти процессы»¹⁵ [66, р. viii, ix]. Вышеприведенная цитата соответствует, если не букве подходов Шмоллера, Вебера и Коммонса, все таки этим словам сто лет, то, по крайней мере, их духу. Как можно судить из следующего его высказывания, Норт по существу подошел к понятию насыщенных описаний Клиффорда Гирца: «Одно дело быть в состоянии дать краткое описание процесса экономических изменений, и совсем другое – обеспечить достаточное содержание этого описания, чтобы дать нам понимание этого процесса» [66, р. 4].

Интерпретативная институциональная экономика должна естественным образом делать акцент на анализе институциональных изменений. Она должна рассматривать процессы институциональных изменений внутри определенного сообщества как динамику разделяемых членами этого сообщества верований, за которыми следуют разделяемые ими правила. Джон Коммонс близко подошел к такому пониманию, анализируя решения английских и американских судов по хозяйственным вопросам [38]. Немецкая же историческая школа, особенно в лице Макса Вебера, внесла существенный вклад в такое понимание. Последняя книга Дугласа Норта [66] продолжает эту традицию¹⁶. Вот как он видит институциональную динамику Советского Союза: «История Советского Союза – это история постигаемой (perceived) реальности → верований (beliefs) → институтов → политик → измененной постигаемой (perceived) реальности и так далее и так далее. Ключи к этой истории это то, каким образом менялись верования под воздействием обратной связи из измененной постигаемой (perceived) реальности как следствия осуществленных политик, адаптивной эффективности институциональной матрицы – насколько она склонна (responsive) к изменениям в случае, если результаты не соответствуют намерениям – и ограничений на изменения в формальных правилах, как корректировок осознаваемых (perceived) провалов» [66, р. 4]. В целом это достаточно реалистичная схема институциональных изменений в СССР. Ее недостатком является то, что акторы в ней представляют собой нечто неразделяемое цельное или, пользуясь терминологией, используемой самим Нортом, в ней не выделены «экономические и политические предприниматели».

Глубокое понимание советской институциональной динамики требует отдельного рассмотрения акторов-законодателей и акторов-исполнителей, а также формальных и неформальных правил и соответствующих им верований. Неформальные правила и соответствующие им верования акторов-исполнителей, имеющие глубокие исторические корни, в разные моменты советской истории могли облегчать введение новых институтов партийным руководством страны, как это было при коллективизации, а в другие моменты могли этому препятствовать, как это было во время перестройки и постсоветских реформ (см.: [87, 88]). В отличие от Норта, Д. Бромли в своей недавней книге при рассмотрении институциональной динамики делает акцент на акторов-законодателей. Его предложение сводится к следующему: «В чем мы сейчас срочно нуждаемся, так это в теории институтов и институциональных изменений, построенной на концепции разведывающей воли (prospective volition), человеческой воли в действии, смотрящей в будущее, и решающей, как должно разворачиваться это будущее. Перспектива достижения определенных результатов в будущем служит основанием для людей осуществить определенные события сегодня – действуя либо как индивиды или действуя коллективно в тех демократических образованиях (законодательные органы, парламенты, административные агентства, суды), которые были созданы как раз для цели рассмотрения и осуществления институциональных изменений. Когда мы ухватим эти основания, мы ухватим также почему институты меняются» [31, р. 22]. Делая ссылку на Коммонса, Бромли указывает на то, что некоторые индивиды могут играть важную роль в построении работающих правил (институтов), которых он называет волевыми агентами (volitional agents). Выбор, который индивиды делают сегодня, вставлены (embedded) в действия вчерашних волевых агентов [31, р. 27].

¹⁵ Норт пишет, что это его исследование есть расширение, правда «очень существенное расширение», новой институциональной экономики (теории). По-видимому, будет не так просто гармонично соединить основную концепцию новой (нортоновской) новой институциональной экономики, концепцию верований (beliefs), с центральной концепцией новой институциональной экономической теории – концепцией «транзакционных издержек».

¹⁶ Видение Нортом процессов институциональных изменений в книге 2005 года представляет собой кардинальный разрыв с его видением этих процессов в книге опубликованной им в 1990 году [58, р. 86–87].

При этом Бромли упускает из виду, что индивиды имеют, помимо тех правил, которые им навязываются « волевыми агентами », свои, имеющие глубокие исторические корни, неформальные правила и верования и если они противоречат правилам введенным « волевыми агентами », то они могут быть этими индивидами отторжены, чему дали множество подтверждений либеральные российские реформы от Столыпина до Гайдара и Ясина.

Нам представляется, что правильной была бы следующая схема институциональных изменений, которую автор данной статьи вывел на базе институционального анализа аграрных преобразований¹⁷ в России, проведенного путем изучения документов, прежде всего юридических и политических, российской истории, начиная с 1861 года: «Преобразования аграрных институтов разворачиваются следуя циклам. Эти циклы могут быть представлены следующим образом: функционирование институтов вызывает реакции различных акторов, которые выражаются в идеологиях ; идеологии конкурируют между собой за свое влияние, и по тем или иным причинам, одна из этих идеологий определяет содержание законодательства, которое создается, чтобы решить проблемы функционирования институтов ; новое законодательство влияет на (но не определяет) функционирование институтов со старыми и/или новыми проблемами и мы возвращаемся к исходному пункту цикла. Законодательство не определяет функционирование институтов, так как правила, лежащие в основе институтов, могут быть формальными и неформальными. Для того, чтобы понять дополняемость или несовместимость формальных и неформальных правил, нужно анализировать динамику этих связей, так как социально-экономические реальности очень инерционны» [88, р. 31, 32].

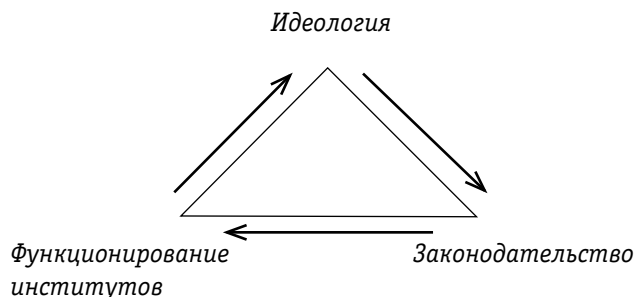

Рис. 1. Треугольник циклов институциональных изменений

Подводя итоги сказанному в этом разделе статьи, отметим, что интерпретативная институциональная экономика отбрасывает «объективизацию» социальной реальности. Социально-экономическая реальность, т.е. поток экономической деятельности, есть результирующая действий совокупности ее участников (акторов). Последние делятся на более влиятельных, обладающих большей властью, и менее влиятельных и конечно вес более влиятельных в этой результирующей выше, часто намного выше, чем менее влиятельных. Действия участников регулируются некоторыми формальными и неформальными правилами, которые в свою очередь основываются на, в основном, разделяемыми ими верованиями (идеями и ценностями). Более влиятельные участники экономической деятельности имеют больше возможностей, чем менее влиятельные, изменить формальные правила, скорректировать неформальные правила, и убедить менее влиятельных участников в правоте новых верований и правомерности новых правил. В этом смысле можно сказать, что социально-экономическая реальность субъективна. Исследователь этой реальности должен нацелить свое внимание на то, как видят поток экономической деятельности различные ее участники, то есть каковы для них смыслы того, что происходит.

Так понимаемая институциональная экономика вписывается в интерпретативную парадигму исследований. Принципиальное отличие этой парадигмы от классической, берущей свое начало в классическом естествознании, и часто ассоциируемой со ставшем традиционным так называемым научным методом [25], видна из следующей таблицы.

¹⁷ Были изучены [78, 79] следующие аграрные преобразования в России: отмена крепостного права в 1861 году; Столыпинская реформа 1906 года; Октябрьская революция 1917 года; коллективизация конца 20-х, начала 30-х годов; постсоветские реформы 1990 годов.

Таблица 1

**Принципиальные характеристики
классической и интерпретативной исследовательских парадигм**

	<i>Классическая парадигма</i>	<i>Интерпретативная парадигма</i>
Исследователь верит что:	Реальность является внешней и объективной	Реальность является социально сконструированной и субъективной
	Наблюдатель должен быть независим от того, что он наблюдает	Наблюдатель является интегральной частью того, что наблюдается
	Наука должна быть независима от ценностей исследователей	Наука движима людскими интересами
Исследователь должен:	Сконцентрироваться на фактах	Сконцентрироваться на смыслах
	Использовать готовые или разрабатывать новые концепции так, чтобы они представляли собой некоторые количественно измеримые переменные.	Разрабатывать концепции укорененные в; проистекающие из качественных и количественных данных. Чаще всего эти концепции несут качественный характер.
	Исследовать причинные связи и фундаментальные законы. Контекст при этом игнорируется.	Пытаться понять изучаемое явление в данном контексте
	Свести изучаемые явления к их простейшим элементам, сложное свести к простому.	Наблюдать каждую ситуацию во всей ее полноте, рассматривать сложность как она есть.
	Формулировать гипотезы и затем их тестировать (нацеленность на верификацию)	Собирать данные и развивать идеи на их основе (нацеленность на открытие)
	При сборе данных ориентироваться на большие случайные выборки	Осуществлять глубинное изучение небольших выборок

Источник: [79, р. 37; 62, р. 197] с изменениями автора данной статьи.

5. Интерпретативное институциональное исследование

Предложив в своей последней книге интерпретативную схему институциональных изменений, Д. Норт ничего в книге не говорит о том, как ее использовать в проведении конкретных исследований. Мы убеждены, что в рамках интерпретативного институционального исследования нужно изучать тексты дискурсов акторов и изучение это нужно осуществлять не для верификации (подтверждения или опровержения) каких либо априорных теоретических построений, а для создания насыщенных описаний, которые бы содержали разработанные на базе этих изучений контекстных, т.е. не универсальных, а применимых только к определенным контекстам, концепций¹⁸.

Метод интерпретативной институциональной экономики, как *современной науки*, может обсуждаться отталкиваясь от разных источников интерпретативной традиции, к которой она принадлежит. Прежде всего, это конечно немецкая историческая школа и американский институционализм. Но эти традиции были по существу прерваны уже несколько десятков лет тому назад, а, как мы видели выше, интерпретативная традиция продолжала существовать и развиваться в философии, когнитивной науке и в науках о культуре и *современная* интерпретативная институциональная экономика должна воспользоваться и быть оплодотворена идеями и методами, развитыми в этих областях. В настоящее время интерпретативная традиция в философии продолжается многими авторами. Философ Л.А. Микешина назвала один из разделов своей книги «Интерпретация как научный метод и базовая процедура познания» [17, с. 98]. Таким образом, следуя ей, можно сказать, что интерпретация и есть метод интерпретативной институциональной экономики. Если же отталкиваться от когнитивной науки при обсуждении метода интерпретативной институциональной экономики, то можно сказать, что в своем исследовании ученый должен отдавать себе отчет в том, как на самом деле любое исследование ориентированное на получение новых знаний, осуществляется и стараться использовать

¹⁸ Об этом в книге Норты нет ни слова, хотя это должно было бы непосредственно следовать из проведенных в ней изысканий.

такие ментальные механизмы как категоризация и концептуальная интеграция не только неявно, подсознательно, но в явном, может быть даже в несколько упорядоченном виде¹⁹. В этом смысле мы можем говорить об использовании *brain-based method*, состоящем в сознательном воспроизведении процедур реального мышления открытого когнитивистами в практике человеческих исследований. Наконец, конечно, это науки о культуре, которые стоят у истоков многих методов и подходов интерпретативной парадигмы. К ним относятся такие методы как исследование действием (*Action Research*), включенное наблюдение (*Participant Observation*)²⁰, исследование случаев (*Case Studies*), беседы-интервью, этнографический метод, метод историй жизни (*Life History*) и, наконец, последнее, но далеко не последнее по важности, так называемое *заземленное теоретизирование* (*Grounded Theory*)²¹. Именно из-за особо большого значения заземленного теоретизирования для развития интерпретативной институциональной экономики, мы здесь кратко охарактеризуем его методику.

Прежде всего, обсудим сам русский термин «заземленное теоретизирование», который я предлагаю использовать для обозначения *grounded theory*. В русских публикациях появилось уже несколько вариантов перевода английского термина *grounded theory*. Это – обоснованная теория, заземленная теория, укорененная теория и даже граунд-теория. Почему не теория, а теоретизирование? Потому, что *grounded theory* это не теория, а методика. Эта методика проведения социальных исследований, начиная от сбора качественных данных, их анализа и построения на базе этого анализа теории «заземленной», а лучше сказать «укорененной» в самих этих данных. «Таким образом, данные формируют основание, фундамент (*foundation*) нашей теории и наш анализ этих данных порождает (*generates*) концепции, которые мы строим» [35, р. 2]. Если мы использовали бы слово «укорененная», то нужно было бы обязательно добавить в чем (в данных), а это уже (укорененная в данных теоретизирование) слишком длинно. Именно поэтому я предлагаю использовать термин «заземленное теоретизирование», который в значительной степени отражает существо и в тоже время не очень длинный. Как и в любых интерпретативных исследованиях, используя эту методику, мы должны быть очень открыты к получению и анализу любой информации относительно объекта нашего исследования. Так, беседуя с актерами, мы должны давать им возможность говорить, в рамках исследуемой темы, о том, что они считают в ней значимым, и только изредка мягко направлять их своими вопросами и замечаниями. Самым важным является то, чтобы им было интересно делиться с вами своей информацией, а этого можно достигнуть, если беседа не является интервью типа вопрос-ответ, а является скорее обсуждением темы, хотя заранее заготовленные вопросы и могут время от времени задаваться. Акторов для «интервью» мы выбираем не случайно, а направленно, а именно тех, кто непосредственно участвует в изучаемой деятельности и способен действительно предоставить нам ценную информацию по данной теме. «Выборка» теоретически продолжается до тех пор, пока мы получаем новую, ценную для нас информацию. Мой личный опыт показывает, что «насыщение», т.е. когда мы не получаем новой информации меня собеседников, при беседах с актерами одного и того же типа, наступает достаточно быстро. Беседы обязательно должны записываться на диктофон. Обязательным

19 Ряд результатов автора отраженных в книге [79], основывались на наложении одного ментального пространства на другое с последующей концептуальной интеграцией.

20 Исследование действием отличается от включенного наблюдения в основном тем, что исследователь не только участвует в деятельности исследуемых, но и пытается вместе с ними изменить что-то в этой деятельности. Этому методу посвящены следующие книги: [48, 75, 67]

21 Все перечисленные в этом параграфе методы принадлежат к так называемым качественным методам. Это название проистекает, с одной стороны, из того факта, что они имеют дело в основном с качественной, а не с количественной информацией, а с другой стороны, такое название противопоставляет эти методы количественным. Библиография качественных методов исследования обширна и в данной статье нет места для ее сколько-нибудь полного варианта. В настоящее время имеются по этой теме несколько книг отечественных авторов: [27, 11, 9, 27]. Наиболее полная характеристика этих методов дана в [41]. Хотя качественные методы первоначально возникли в рамках развития интерпретативной парадигмы, один только факт их применения в каком-то исследовании еще не гарантирует автоматическое проведение этого исследования как интерпретативного. В последнее время можно наблюдать все больше попыток применения этих методов в рамках традиционной классической парадигмы. Так, профессор Сорбонны Клод Менар, один из тех, кто в настоящее время очень активен в формировании сообщества сторонников новой институциональной экономической теории, предлагает использовать *case studies* в рамках тестирования положений этой теории [54].

также является расшифровка этих записей, т.е. приготовление текстов или « транскриптов ». Как мы уже отмечали выше, исследователи могут использовать и уже готовые тексты, например такие политические документы, как программы партий и опубликованные выступления их лидеров, а также юридические документы (законы, указы, постановления и т.п.). Транскрипты, равно как и собранные документы тщательно прочитываются и анализируются. В каждом транскрипте и документе выделяются однородные куски, которые помечаются нами как таковые, т.е. кодируются. Куски эти выделяются путем сравнения различных частей текстов, а затем и сами куски сравниваются между собой, т.е. можно сказать, что заземленное теоретизирование применяет сравнительный метод: «Осуществляя и кодируя многочисленные сравнения, у нас начинает формироваться аналитическое видение данных. Мы пишем предварительные аналитические заметки или «памятки» относительно наших кодов и сравнений и любых других идей о данных, располагаемых нами. Через изучение данных, сравнивая их, и готовя «памятки», мы определяем идеи, которые наилучшим образом подходят данным и интерпретируют их, как предварительные аналитические категории. Когда возникают вопросы и появляются бреши в наших категориях, мы ищем данные, которые ответили бы на эти вопросы и заполнили эти бреши. < ... > По мере того, как мы продвигаемся в интерпретации собранных данных, наши категории с одной стороны сращиваются, а с другой стороны становятся более теоретическими, потому, что мы поднимаемся по последовательным уровням анализа. Наши аналитические категории и отношения, которые мы выводим между ними, дают нам концептуальное понимание изучаемого опыта. Таким образом, мы строим разные уровни абстракции непосредственно из данных, и затем собираем дополнительные данные для того, чтобы проверить и уточнить возникающие аналитические категории. Наша работа завершается созданием «заземленной теории» (укорененной в данных теории) или (что тоже самое) абстрактным теоретическим пониманием изучаемого опыта» [35, р. 3, 4]. Таким образом снимается кажущееся противоречие между описанием и построением теории, которое было камнем преткновения в споре о методах и которое продолжает вводить в заблуждение целые поколения исследователей.

ЛИТЕРАТУРА

1. Вандельбанд В. Философия культуры и трансцендентальный идеализм. В.: Левит, 1995.
2. Вебер М. Аграрная история Древнего мира. М.: Канон-Пресс-Ц, 2001.
3. Вебер М. Избранное: Протестантская этика и дух капитализма. М.: РОССПЭН, 2006.
4. Величковский Б.М. Когнитивная наука. Основы психологии познания. В 2-х т. Т. 2. М.: Смысл, Издат. центр «Академия», 2006.
5. Дильтей В. Введение в науки о духе. Собр. соч. В 6-ти т. Т. 1. М.: Дом интеллектуальной книги, 2000.
6. Дильтей В. Типы мировоззрения и обнаружение их в метафизических системах. В.: Левит, 1995.
7. Западная экономическая социология. Хрестоматия современной классики / Под ред. В.В. Радаева. М.: РОССПЭН, 2004.
8. Зиммель Г. Конфликт современной культуры. В.: Левит, 1995.
9. Ильин В.И. Драматургия качественного исследования. СПб.: Интерсоцис, 2006.
10. Ионин Л.Г. Социология культуры. М.: Издат. дом ГУ – ВШЭ, 2004.
11. Ковалёв Е.М., Штейнберг И.Е. Качественные методы в полевых социологических исследованиях. М.: Логос, 1999.
12. Кун Т. Структура научных революций. М.: АСТ, 2002.
13. Лакофф Дж. Женщины, огонь и опасные вещи. Что категории языка говорят нам о мышлении. М.: Языки славянской культуры, 2004.
14. Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живём. М.: УРСС, 2004.
15. Левит С.Я. (составитель) Культурология. XX век. Антология. М.: Юрист, 1995.
16. Менгер К. Избранные работы. М.: Территория будущего, 2005.
17. Микешина Л.А. Философия науки: Современная эпистемология. Научное знание в динамике культуры. Методология научного исследования. М.: Прогресс – Традиция, 2005.

18. Микешина Л.А. Философия познания. Poleмические главы. М.: Прогресс – Традиция, 2002.
19. Митюрин Д. (составитель) Макс Вебер за 90 минут. М.: Сова, 2006.
20. Парсонс Т. О структуре социального действия. М.: Академический Проект, 2000.
21. Радаев В.В. Социология рынков: к формированию нового направления. М.: Издат. дом ГУ – ВШЭ, 2003.
22. Радаев В.В. Экономическая социология. М.: Издат. дом ГУ – ВШЭ, 2005.
23. Риккерт Г. Науки о природе и науки о культуре. В.: Левит, 1995.
24. Риккерт Г. Философия жизни. Минск: Харвест, 2000.
25. Сачков Ю.В. Научный метод. Вопросы и развитие. М.: УРСС, 2003.
26. Семенова В.В. Качественные методы в социологии // В кн.: Ядов В.А. Стратегия социологического исследования. М.: Омега, 2007.
27. Семенова В.В. Качественные методы: Введение в гуманистическую социологию. М.: Добросвет, 1998.
28. Степин В.С. Теоретическое знание. М.: Прогресс – Традиция, 2003.
29. Экономическая социология. Новые подходы к институциональному и сетевому анализу / Под ред. В.В. Радаева. М.: РОССПЭН, 2002.
30. Blumer H. Symbolic interactionism. perspective and method. Englewood cliffs, New Jersey: Prentice-Hall, 1998.
31. Bromley D.W. Sufficient reason. Volitional pragmatism and the meaning of economic institutions. Princeton: Princeton University Press, 2006.
32. Bruhns H. (ed.). Histoire et economie politique en Allemagne de Gustave Schmoller a Max Weber. Paris: Editions de la Maison des sciences de l'homme, 2004.
33. Bruner J. ... car la culture donne forme a l'esprit. Paris: Editions Eshel, 1997.
34. Bruner J. Acts of meaning. Cambridge: Harvard University Press, 1990.
35. Charmaz K. Constructing grounded theory. A practical guide through qualitative analysis. Thousand Oaks: Sage Publications, 2006.
36. Charon J.M. Symbolic interactionism. An introduction, an interpretation, an integration. Upper Saddle River, NJ: Prentice-Hall, 2001.
37. Commons J.R. Institutional economics. Its place in political economy. New Brunswick: Transaction Publishers, 1990.
38. Commons J.R. Legal foundations of capitalism. Reprinted. New Brunswick: Transaction Publishers, 1995.
39. Damasio A. Descartes' error. Emotion, reason, and the human brain. NY : Penguin Books, 2005.
40. Denzau A.T., North D.C. Shared mental models: ideologies and institutions // Kyklos. 1994. № 47(1).
41. Denzin N.F., Lincoln Y.S. (eds.). The sage handbook of qualitative research. USA, Thousand Oaks: Sage Publications, 2005.
42. Edelman G.M. Second nature. Brain science and human knowledge. New haven and London: Yale University Press, 2006.
43. Eliaeson S. Max Weber's methodologies. Cambridge: Polity Press, 2002.
44. Fauconnier G., Turner M. The way we think. Conceptual blending and the mind's hidden complexities. New York: Basic Books, 2002.
45. Fligstein N. The architecture of markets. An economic sociology of twenty-first-century capitalist society. Princeton, N.J.: Princeton University Press, 2001.
46. Geertz C. The interpretation of cultures. N.-Y.: Basic Books, 1973.
47. Granovetter M. La marche autrement. Paris: Desclee de Brouwer, 2000.
48. Greenwood D.J., Levin M. Introduction to Action Research. Social Research for Social Change. USA, Thousand Oaks: Sage Publications, 1998.
49. Grimmer-Solem E. The rise of historical economics and social reform in Germany 1864–1894. Oxford: Clarendon Press, 2003.
50. Harter L.G., John R. Commons: his assault on laissez-faire. Corvallis: Oregon State University Press, 1962.
51. Jevons W.S. Elementary lessons in logic: deductive and inductive. Honolulu, Hawaii: University Press of the Pacific, 2002.

52. *Johnson-Laird Ph.* How we reason. Oxford, New York: Oxford University Press, 2006.
53. *Johnson-Laird Ph.* Mental models. Towards a cognitive science of language, inference, and consciousness. Cambridge, Massachusetts: Harvard University Press, 1983.
54. *Knorr-Cetina K., Preda A.* (eds.). The sociology of financial markets. Oxford: Oxford University Press, 2005.
55. *Lakoff G.* Women, fire, and dangerous things. What categories reveal about mind. Chicago and London: University of Chicago Press, 1990.
56. *Lakoff G., Johnson M.* Philosophy in the flesh. The embodied mind and its challenge to western thought. N.-Y.: Basic Books, 1999.
57. *McCloskey D.N.* The rhetoric of economics. Madison, Wisconsin: The University of Wisconsin Press, 1985.
58. *Mead G.H.* Mind, Self, & Society, Chicago: The University of Chicago Press, 1967.
59. *Menard C.* (ed.) Institutions, contracts and organizations. Perspectives from new institutional economics. Cheltenham: Edward Elgar, 2000.
60. *Menard C.* Methodological issues in new institutional economics // Journal of Economic Methodology. 2001. January.
61. *Mill J.S.* System of logic ratiocinative and inductive being: a connected view of the principles of evidence and the methods of scientific investigation. London: Longmans, 1886.
62. *Mucchielli A.* (ed.) Dictionnaire des methodes qualitatives en sciences humaines et sociales. Paris: Armand Colin, 1996.
63. *Nau H.H.* Eine "Wissenschaft vom Menschen". Max Weber und die Begrenzung der Sozialökonomik in der deutschsprachigen ökonomie 1871 bis 1914. Berlin : Dunker and Humblot, 1997.
64. *North D.C.* Institutions, institutional change, and economic performance. Cambridge: Cambridge University Press, 1990.
65. *North D.C.* Understanding institutions // Menard C. (ed.) Institutions, contracts and organizations. Perspectives from new institutional economics. Cheltenham: Edward Elgar, 2000.
66. *North D.C.* Understanding the process of economic change. Princeton and Oxford: Princeton University Press, 2005.
67. *Reason P., Bradbury H.* (eds.) Handbook of action research. USA, Thousand Oaks: Sage Publications, 2001.
68. *Rickman H.P.* Dilthey Today. A critical appraisal of the contemporary relevance of his work. New York: Greenwood Press, 1988.
69. *Schellschmidt H.* Oekonomische Institutionanalyse und Sozialpolitik. Gustav Schmoller und John R. Commons als Vertreter einer socialreformerisch ausgerichteten Institutionenökonomie. Marburg: Metropolis-Verlag, 1997.
70. *Schmoller G.* Historisch-ethnische Nationaleökonomie als Kulturwissenschaft. Marburg: Metropolis-Verlag. 1998.
71. *Schmoller G.* The Mercantile System and its Historical Significance. Fairfield NJ: Augustus M. Kelley Publishers, 1989.
72. *Schmoller G.* Volkswirtschaft, Volkswirtschaftslehre und – methode // In Schmoller G. Historisch-ethnische Nationaleökonomie als Kulturwissenschaft. Marburg: Metropolis-Verlag. 1998.
73. *Stammler R.* Wirtschaft und Recht nach der materialistischen Geschichtsauffassung. Eine sozialphilosophische Untersuchung. Berlin, Leipzig: Walter de Gruyter, 1924. (Имеется русский перевод издания 1898 года).
74. *Sternberg R.J., Ben-Zeev T.* Complex cognition. The psychology of human thought. Oxford: Oxford University Press, 2001.
75. *Stringer E.T.* Action Research. USA, Thousand Oaks: Sage Publications, 1999.
76. *Thomas W.I., Znaniecki F.* The polish peasant in Europe and America. 2 vols. New York: Knopf, 1926.
77. *Turner M.* Cognitive dimensions of social sciences. The way we think about politics, economics. Law and Society. New York, Oxford: Oxford University Press, 2001.

78. *Turner M.* The literary mind. The origins of thought and language. New York, Oxford: Oxford University Press, 1996.
79. *Usunier J.-C., Easterby-Smith M., Thore R.* Introduction a la recherche en gestion. Paris: Economica, 2000.
80. *Veblen T.* The place of science in modern civilization. New Brunswick: Transaction Publishers, 1990.
81. *Weber M.* Critique of stammler. New York: The Free Press, 1977.
82. *Weber M.* Roscher and Knies. The logical problems of historical economics. New York: The Free Press, 1975.
83. *Weber M.* The religion of China. New York: The Free Press, 1968.
84. *Wikipedia.* The Free Encyclopedia // http://en.wikipedia.org/wiki/W._I._Thomas
85. *Wilkes A.L.* Knowledge in minds. Individual and collective process in cognition, hove. East Sussex, UK: Psychology Press, 1997.
86. *Yanow D., Schwartz-Shea P.* (eds.) Interpretation and method. Empirical research methods and the interpretive turn. London: M.E. Sharpe, 2006.
87. *Yefimov V.* Continuita et recomposition des regimes agraires russes dans le siecle // Economie et Societe. Serie. Developpement, croissance et progres. Developpement – III. № 9– 10. Paris: ISMEA, 2001.
88. *Yefimov V.* Economie institutionnelle des transformations agraires en Russie. Paris: l'Harmattan, 2003.